

строгих переводческих приемов. О.Б. Страхова же говорит о расплывчивости лингвистической программы латинофилов (с. 48–49), приводя при этом примеры ее реализации из *оригинальных* церковнославянских текстов.

Во-вторых, стремление Евфимия к однозначности греческо-церковнославянских лексических соответствий проинтерпретировано О.Б. Страховой следующим образом: “Иными словами, в языковом сознании Евфимия церковнославянское слово начало утрачивать свою потенциальную полисемию; оно представлялось принципиально моносемантическим” (с. 239). Это утверждение вряд ли правомерно, так как однозначность лексических соответствий предполагает наличие у церковнославянских слов целого спектра значений, которыми обладают их греческие соответствия. Поскольку Евфимий отдавал себе отчет в многозначности греческих слов, что было показано самой О.Б. Страховой (с. 240), то, стремясь к однозначности греческо-церковнославянских лексических параллелей, он должен был допускать *принципиальную многозначность* соответствующих церковнославянских слов.

Высказанные замечания по поводу некоторых лингвистических интерпретаций, предложенных О.Б. Страховой, несколько не умаляют значения рецензируемой монографии, которая в целом представляет собой образцовое научное исследование.

ЛИТЕРАТУРА

- Исаченко-Лисовая Т.А., 1992: Евфимий, in Лихачев Д.С. (ред.), *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 1. Санкт-Петербург, 287–296.
 Славова Т., 1989: Преславска редакция на Кирило-Методиевския старобългарски евангелски превод, in *Кирило-Методиевски студии*, кн. 6. София, 15–129.
 Словарь = Цейтлин Р.М., Вечерка Р., Благова Э. (ред.), *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва, 1994.
 Толстой Н.И., 1988: *История и структура славянских литературных языков*. Москва.

E-mail: sergejus.temcinas@flf.vu.lt

Сергей Темчин
Вильнюс

PETER WEISS, *Slovar govorov Zadřečke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami. Poskusni zvezek (A–H)*. Ljubljana: Založba ZRC, 1998. 268 str. ISBN 961–6182–47–1.

Одна из особенностей словенского национального языка, на территории распространения которого насчитывается до 48 говоров, заключается в том, что его литературная форма сложилась довольно поздно. Это обстоятельство было одной из причин того, что отношения между словенским литературным языком и говорами оказались довольно сложными. Говоры, являясь активным средством общения и источником постоянного влияния на литературный язык, по крайней мере — на его разговорную форму, занимают гораздо более заметное место в системе общесловенского языка, чем, например, говоры в системе общерусского или общепольского языков. Сохраняя традиционные, зачастую архаические формы, они постоянно адаптируют также новые слова из литературного языка и других говоров. Все эти процессы вызывают устойчивый интерес специалистов-словенистов различных профилей.

Важной областью исследований в традиционной словенистике является изучение диалектной лексики, одной из форм которого является диалектная лексикография. Словенская диалектология накопила большой опыт в этой области. Начало ее заложил И.А. Бодуэн де Куртене словарником церклянского говора, изданного на немецком языке [Baudouin de Courtenay 1885]. Большим достижением для словенской лексикографии вообще и диалектной лексикографии частности было издание двуязычного словенско-немецкого словаря М. Плетершника [Pleteršnik 1885], ставшего отправным пунктом и авторитетным свидетельством для многих поколений словенских лингвистов. Этот словарь, включавший слова живого словенского языка, лежит в основе многих диалектных словарей XX в. (в том числе — большого словаря чрноврхского диалекта И. Тоинцеца [Tominec 1964]). Кроме того, в XIX в. диалектный материал публиковался в любительских записях энтузиастов-непрофессионалов, позже, уже в XX в., стали выходить диалектные словари словенских наречий, отдельных населенных пунктов и групп говоров (см. библиографию в: [Kenda-Jež, Weiss 1999, 43–46]). Зесь путь развития словенской диалектной лексикологии указывал на необходимость создания словаря современного типа, отражающего особенности лексики как уровня языковой системы, показывающего морфологические характеристики слов, их парадигматические и синтагматические связи с другими единицами, а также особенности функционирования в речи.

Опубликованный П. Вайсом несколько лет назад пробный выпуск дифференциального (контрастивного) словаря говоров верхнесавинского наречия (далее — *Словарь*) является опытом максимально полной фиксации активной для 80–90 гг. XX в. диалектной лексики жителей 14 деревень, компактно расположенных на севере Словении в районе верхнего течения р. Савиньи. Сбор материалов к *Словарю* начался в 1979 г., его общая картотека в настоящее время насчитывает более 30 тыс. единиц. В опубликованном выпуске *Словаря*, содержащем ок. 4 тыс. словарных статей (слова от *a* до *h*), представлена лишь небольшая часть собранных материалов. Основу его составляет лексика носителей диалекта *среднего возраста*, и этим данный словарь отличается от традиционных, обычно представляющих лексику старшего поколения носителей диалекта.

Принципы структуры *Словаря* изложены П. Вайсом во введении к данному выпуску (с. 7–64). Кроме сведений о населенных пунктах и информантах, объяснения знаков и символов, здесь представлено также концентрированное и довольно полное описание фонетической системы говора: П. Вайс определяет все диалектные фонетические варианты согласных и гласных в разных позициях, как что список знаков, используемых для фонетической записи, оказался очень внушительным — он состоит из 95 различных графем. Введение содержит также очерк морфологической системы говора (к сожалению, в нем отсутствует описание местоимения как части речи).

Заглавия статей в *Словаре* даны в литературной форме, затем приводится фонетическая транскрипция соответствующего слова, за которой следуют его важнейшие морфологические характеристики: для существительных это род, одушевленность, собирательность, формы род. пад., для прилагательных — родовые формы, иногда формы сравн. степени; для глагола — вид, форма 1 л. (в случае безличного глагола — форма 3 л.) ед. ч. настоящего времени. Все они также отмечаются при нерегулярном образовании форм.

В *Словаре* содержится обширная информация о бытовании слов в говоре, в том числе — о сферах и особенностях их употребления. Автор вводит разветвленную

систему помет, включающую указания на отнесенность лексем к определенной сфере деятельности (агрономия, анатомия, ботаника, электротехника, лесное хозяйство, строительство, религия, зоология, школа, спорт, техника и др.) и на стилистические характеристики слов (экспрессивное, шутовское, ироническое, пренебрежительное, уменьшительно-ласкательное и под.). Помечаются также неологизмы и архаизмы, слова с растущей частотностью употребления и редкие слова, слова детского языка, жаргонизмы, сленг. Специально отмечены слова, зафиксированные лишь в одном населенном пункте и под.

Заслуживает специального упоминания то, что в *Словаре* объясняются реалии исторического и этнографического характера, знание которых необходимо для понимания значения того или иного слова или его употребления во фразеологическом обороте локального распространения (ср., напр., объяснение при обороте *beksljati babe ko Plaznik konje* 'менять баб как Плазник коней': *Plaznik iz Rovta pod Menino je bil znan po tem, da je dobil na preizkušnjo konja, češ da ga bo kupil, potem pa ga je po domenjenem preizkusnem roku izčrpanega in sestradanega vrnil lastniku* 'Плазник был известен тем, что перед покупкой коня брал его на испытание, а после согласованного срока возвращал коня владельцу изнуренным').

Очень важной особенностью *Словаря* является то, что в нем указывается наличие/отсутствие диалектной лексемы в авторитетных словарях — в упомянутом выше словаре М. Плетишника, в нормативных словарях словенского языка [SSKJ; SP 1962], а также диалектных словарях и отдельных исследованиях по словенской лексике (полная библиография источников составляет 39 работ, см. с. 58–59). Эта информация позволяет увидеть "общесловенский фон" каждой из лексем, проследить распространение отдельных лексем в говорах и понять, являются ли они специфическими для данного говора или же относятся к числу общераспространенных в словенском языке. В *Словаре* в качестве главных слов приводятся также лексемы, известные в других говорах или в литературном языке, которым в данной группе говоров соответствуют диалектные синонимы, напр.: (лит.) *bistroumen* → (диал.) *brihten* 'сообразительный'. Если лексема в говоре отличается от соответствующего литературного слова в фонетическом отношении, то в *Словаре* дана отсылка от литературной формы к диалектной: (лит.) *čemerika* → (диал.) *čmerika*, (лит.) *ašparagus* → (диал.) *šparagus* (выделено нами — Е.К.). Все это облегчает пользование *Словарем* для тех, кто не знаком с наречием, но владеет словенским литературным языком.

Большая часть диалектных лексем в *Словаре*, отсутствующих в других словарях, представляет собой заимствования из немецкого языка, напр.: *anfak* 'простой', *durh* 'постоянно', *avs* 'вон', *fahman* 'мастер, профессионал'; относится к группе детской лексики (типа *držkati* 'держат', *bincikati* 'бить; болтать' и под.) или является лексемой, характерной в словообразовательном отношении (напр., слова с суффиксом *-ika* с уменьшительно-ласкательным значением или со значением женского лица: *babika* 'девочка' < *baba*, *banika* 'ванночка' < *bana* (лит. *banja*), *butika* 'глупышка' < *buta* и др.). В некоторых случаях отмечается несовпадение значения с другими словарями (ср. *birt*: в SSKJ дано значение 'жорчмарь', у П. Вайса: 'хозяин, владелец земли' и под.). Значения лексем в *Словаре* даны с опорой на SSKJ, при этом перечисляются все диалектные значения, так как

* Поскольку в *Словаре* используется довольно сложная транскрипция, воспроизвести которую технически очень трудно, то приводимые далее примеры поданы в литературном написании.

алеко не всегда значения лексемы литературного языка и диалекта совпадают о всем объеме. Такого рода частичное несовпадение значений с литературным языком, носящее регулярный характер, представлено, напр., в лексемах с основным значением 'дерево', у которых выявлено также диалектное значение 'древесина этого дерева' (*breza* 'береза', *hrast* 'дуб' и др.) — в словенском литературном языке для последнего значения используется отдельная лексема с суффиксом *-ina* (*brezovina*, *hrastovina*).

Сами значения лексем в *Словаре* описаны детально, хотя в ряде случаев могут возникнуть вопросы в связи с принципами определением основного значения, учета других значений и пр.. Так, для *borec* в качестве первого значения указывается 'участник народного ополчения', а второго — 'участник вооруженного конфликта'; для *bogi* 'убогий' первым значением дано 'достойный жалости' и торым — 'бедный, неимущий'. Если это действительно так, то можно говорить о том, что в данном говоре произошло своеобразное перераспределение значений и значение, более узкое для литературного языка, начинает выступать в качестве основного, иногда основное в литературном языке значение может вовсе отсутствовать; напр., для *bivol* 'буivol' устанавливается единственное значение 'очень сильный и крупный мужчина' при отсутствии значения 'животное'.

В *Словаре* учитываются синонимические отношения, что демонстрируется отсылками к соответствующим лексемам, напр.: *družina* 'семья' → *familija*. В отдельных случаях, правда, есть основания задуматься над возможностью отсылки к нейтральному варианту как к синониму (ср.: отсылку при *bosti* в пятом из перечисленных значений с пометой экспр. 'идти' к нейтральной лексеме *iti*). При определении синонимичности отмечаются диахронические различия; так, в паре *farba* и *barva* 'краска; цвет' отмечается возрастающая активность в использовании второго слова, совпадающего с литературным вариантом, при том, что в говоре основной является первая лексема. В этой связи можно проследить постепенный переход в группу менее активной лексики слов немецкого происхождения и появление в говоре ранее отсутствовавшей лексики из литературного языка. Последнее не всегда связано с появлением новых реалий; так, любопытно появление в диалектной системе лексемы *devica* 'девушка'; если судить по отсутствию собственно диалектного синонима для данного слова, то в говоре не было и соответствующего значения.

Для того, чтобы показать условия функционирования лексемы в тексте, приводятся данные об их синтагматических связях, что отражается в указании управления при глаголах, напр: *cveljati kaj* 'пить (алкогольные напитки)'. В некоторых случаях синтагматика является основой для выделения значений; так, значение глагола *bati se* 'испытывать страх' описывается с разделением на две подгруппы: в первой представлены примеры безличного употребления и употребление с придаточным изъяснительным, вторая выделяется на основе управления родительным падежом: *bati se koga/česa*.

Существенным достоинством *Словаря* является его хорошая иллюстрированность примерами — фонетической записью отдельных фраз, кратких диалогов, что, несомненно, придает *Словарю* достоверность и надежность.

Стремление дать как можно больше информации делает чтение *Словаря* на первых порах несколько затруднительным, особенно сложной является система знаков и символов. Усилия по освоению транскрипции вполне окупаются тем, что *Словарь* содержит поистине огромный материал, большая часть которого является новым для словенской диалектологии, к тому же материал этот подается

на широком фоне других лексических систем — как диалектных, так и общелитературной, включая также историческую перспективу.

Создание такого словаря является чрезвычайно трудоемким делом, при котором возможны отдельные ошибки, недочеты, легко устранимые погрешности. Так, в *Словаре* в качестве примера к *barvast* 'цветной' приведена фраза со словом *farbast*, при *bobneti* 'стучать' значение *bobni* (*daje močne, zamolke glasove*) 'стучит, издает сильные приглушенные звуки' дано в 3 л. ед. ч., хотя обычно используется неопределенная форма. В отдельных случаях не всегда точно подобраны примеры, ср.: при *buniti se* 'бунтовать, сопротивляться', приведена форма 3 л. ед. ч. *bun 'je se*, хотя в морфологической характеристике глагола как форма наст. вр. дано *bunet se*, а приведенный пример предполагает другую исходную форму; при *bukselj* 'тупица' отмечено отсутствие в основных словарях, однако это слово с тем же значением представлено в SSKJ и т.д. Встречаются и неточности технического характера, наприм., последним на с. 207 указывается слово *filjati*, тогда как данная страница заканчивается словом *film*.

Несмотря на упомянутые недочеты, пробный выпуск словаря говоров Задречской долины Петера Вайса, несомненно, представляет собой значительное достижение в области словенской диалектной лексикографии, и хотелось бы надеяться, что последующие выпуски не заставят себя долго ждать.

Словарь может оказаться полезным не только для словенистов или славистов, но и для исследователей социолингвистических процессов, происходящих в говорах. Такого рода процессы, обусловленные социально-историческими причинами, в каждом отдельном случае являются следствием определенной социолингвистической ситуации. В данном случае активная абсорбция иноязычной лексики носителями говоров обусловлена тем, что на территории их распространения, как и вообще на севере Словении, в качестве культурного (престижного) языка долгое время использовался немецкий.

Наконец, материалы *Словаря* представляют несомненный интерес для тех, кто интересуется типологией взаимоотношений культурного языка и диалектов. В этом отношении работы словенских диалектологов вообще и рецензируемый *Словарь* в частности могут быть полезны для исследователей литовских говоров при изучении результатов влияния на их лексику польского языка, долгое время бывшего престижным языком в литовском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Baudouin de Courtenay J., 1885: Sprachproben des Dialektes von Cirkno, *Archiv für slavische Philologie*, 8. 103–119, 274–290, 432–462.
 Kenda-Jež K., Weiss P., 1999: Posebnosti (slovenskega) narecnega slovaropisja, in *35. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. Ljubljana, 27–46.
 Pleteršnik M., 1894–95: *Slovensko-nemški slovar*, I–II. Ljubljana.
 SP 1962 = *Slovenski pravopis*. Ljubljana.
 SSKJ = *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1970–1991.
 Tominec I., 1964: *Crnovrški dialekt*: Kratka monografija in slovar. Ljubljana. (Dela razreda za filološke in literarne vede, 20.).